

Несколько лет назад журналист Галина Саубанова заинтересовалась судьбой уроженца Воронежской губернии и выпускника Воронежского медицинского института Георгия Синякова, который спас тысячи жизней в фашистском концлагере. Она пообщалась с внучкой доктора Ольгой Селяниной, его коллегами и друзьями, живущими в Челябинске, где Георгий Фёдорович долгие годы работал в городской больнице и преподавал в медицинституте. Мы публикуем отрывки из собранных Г.Саубановой материалов.



Г. Синяков

Г. Синяков родился в 1903 г. в селе Петровское Ивановской волости Воронежской губернии. В 1925 г. Ивановская волость отошла к Тамбовской губернии, но к тому времени юноша уже учился на медицинском факультете Воронежского государственного университета. Распределение он получил в город Шахты. На второй день войны военврач 2-го ранга Синяков был уже на фронте в должности ведущего хирурга медико-санитарного батальона. Осенью 1941 г. у деревни Борщёвка под Киевом военный госпиталь захватили немцы, и он попал в плен вместе со своими ранеными. Пройдя лагерь Борисполя и Дарницы, в мае 1942 г. стал узником № 97625 международного лагеря военнопленных Кюстрин в 90 км от Берлина.

Среди заключённых были французские, английские, югославские врачи, но русский доктор попал в лагерь впервые. Немцы устроили ему испытание: заставили делать одному из заключённых резекцию желудка. Они хотели посмеяться над босым и оборванным узником, который взял в руки скальпель, но Синяков провёл операцию блестяще. Вскоре выяснилось, что это было только начало.

«Дедушку привели к тяжело раненому немецкому офицеру и сделали предложение, которое не предполагало отказа. Если доктор Синяков прооперирует раненого и тот выживет, то ему разрешат лечить больных на территории лагеря. Если офицер умрёт после операции, хирурга расстреляют, если откажется оперировать – тоже. Дело в том, что немецкие врачи уже признали пациента безнадежным. Но русский доктор его вылечил, а затем начал оперировать раненых и больных в лагерьном лазарете», – рассказывает со слов Георгия Фёдоровича его внучка.

Русский доктор делал сложнейшие операции, не имея всех необходимых инструментов. Даже лагерные охранники стали приводить на приём к нему своих родственников. Однажды он спас немецкого ребёнка, которому в трахею попало инородное тело, и его мать упала перед пленным врачом на колени. После этого Георгий Фёдорович стал пользоваться относительной свободой передвижения в лагере и получать усиленный паёк, который тоже становился лекарством для его ослабевших пациентов. Сало, которое ему выдавали, он менял на хлеб и картошку – ведь ими можно было накормить большее количество заключённых.

В лагере он разработал специальную мазь, которая отлично заживляла раны и ссадины, при этом с виду они выглядели свежими. Благодаря этой находке доктор говорил немцам, что лекарства не работают, а через некоторое время имитировал смерть пациента.

Как-то в концлагерь пригнали сразу 10 советских лётчиков. И ему удалось сохранить жизнь им всем. Способы спасения заключённых были разными, но чаще всего Г. Синяков использовал имитацию смерти. Он учил живых притворяться мёртвыми (задержка дыхания, обезжизненное тело и т.д.). Доктор «гримировал» их своими мазями, скрывая оставшиеся цвета жизни на измождённых лицах. Оставлял только констатирующую смерть, и тогда «труп» вместе с теми, кто действительно

«Дедушка понимал, что Анна как можно дольше должна оставаться «больной» для фашистов. Он приготовил мазь, от которой раны быстро затянулись. Но на поверхности он их слегка растревывал, чтобы они выглядели свежими. За ней ухаживала русская санитарка Юлия Кращенко. Анне удалось выжить в лагере и дожидаться освобождения», – комментирует Ольга Селянина. Именно Анна Егорова в 1961 г. в очерке «Егорушка», который вышел в «Литературной газете», впервые рассказала о подвиге доктора Синякова.

У 18-летнего солдата, попавшего в Кюстринский лагерь, имя и фамилия оказались как у советского писателя Ильи Эренбурга – автора

нему в гости. Умер он сравнительно недавно, почти 100-летним», – рассказывает внучка героя.

И. Эренбург был не единственным заключённым, которому удалось бежать. Г. Синяков прятал в инфекционных бараках под номерами умерших тех узников, которые готовились к побегу. Для них достали карту местности, которую каждый перерисовывал для себя, сушили сухари и даже раздобыли компас. Не все побеги были успешными, но фронт уже приближался, и многим удалось добраться до своих.

Конечно, доктор Синяков не смог бы действовать так успешно без надёжных союзников, главным из которых был капрал Гельмут Чахер.

стрела. Так благодаря отваге и настойчивости одного человека три тысячи остались живы!

Через два часа в Кюстрин вошли советские танки. Оказавшись среди своих, доктор сразу организовал в лагере полевой госпиталь. Известно, что за первые сутки ему удалось спасти 70 раненых танкистов.

Г. Синяков дошёл до Берлина и даже расписался на рейхстаге. Но многие российские города были до бывшего пленного закрыты. Например, он не мог поехать в Подмоскowie к сестре, которая тоже была медиком.

Когда Георгий Фёдорович узнал, что в Челябинске живёт его colega по работе в Шахтах Тамара

Память

Тысячи спасённых жизней

Хирург выполнял свой долг даже в концлагере

свое отжил, солдаты выкидывали в ров неподалёку от лагеря. Как только фашисты уезжали, пленный оказывался на свободе.

Сбитому в бою лётчику-штурмовику Николаю Майорову он «по частям» собрал челюсть и спас руку с газовой гангреной. Вылечил лётчика-истребителя Александра Каширина, попавшего в лагерь с гангреной ступней ног.

В августе 1944 г. в Кюстринский концлагерь попала штурмовик Анна Егорова: её самолёт сбили за Вислой во время 277-го вылета. Немцы планировали немного подлечить обгоревшую и израненную лётчицу, которую называли «летающей ведьмой», и устроить ей показательную казнь.

«Всех пленных согнали в колонну и, окружённая озверелыми конвоирами, немецкими овчарками, она потянулась по Кюстринскому лагерю, – писала Анна Егорова-Тимофеева в воспоминаниях. – Меня несли на носилках, как носят покойников на кладбище. И вдруг слышу голос одного из несущих носилки: «Держись, сестрёнка! Русский доктор Синяков воскрешает из мёртвых!».

Между тем родственникам лётчицы в Тверскую область уже от-



Во время занятий со студентами по хирургии

лозунга «Убей немца!». К счастью, пленный назвался Ильёй Лебедевым, и немцы даже не догадались о его еврейском происхождении.

До встречи с Г. Синяковым Илье пришлось выдержать медицинские эксперименты, он перенёс сыпной и брюшной тиф, а в качестве наказания работал на каменном

в 1931 г. Гельмут и его отец приезжали в Советский Союз в качестве специалистов по электросварке. Женой Чахера стала русская женщина Клавдия Осипова. В 1938 г. отца и сына арестовал НКВД, но через несколько месяцев всю семью выслали в Германию.

Когда началась война, Чахера не отправили на фронт из-за какого-то хронического заболевания – то ли туберкулёза, то ли язвы желудка. Он стал охранником в концлагере, и при этом не только старался сделать жизнь заключённых хоть сколько-нибудь сносной – именно Чахер принёс в лагерь карту и компас, помогал Синякову прятать лётчиков, организовывал групповые и одиночные побеги. В самом конце войны Г. Чахер нашёл способ перейти на сторону Советской Армии. Умер он в 1959 г., его именем назвали политехническую школу в Котбусе. Георгий Синяков и Гельмут Чахер поддерживали переписку после войны, но приехать в гости в Германию бывший пленный не смог.

«Плен сломал жизнь многим. Один лётчик, спасённый Синяковым в концлагере, рассказывал на встрече, что его не берут даже сторожем на аэродром. У дедушки и Анны Егоровой тоже были гонения из-за этого, они обсуждали это в письмах», – вспоминает О. Селянина.

Когда фронт приблизился к Кюстрину, немцы увезли из лагеря всех, кто мог держаться на ногах. В лазарете остались ослабленные и больные – по некоторым сведениям до 3 тыс. человек. К ним прислали расстрельную команду, к ней навстречу вышел доктор Синяков. Через переводчика он стал просить гитлеровцев пощадить измученных пленников, не брать ещё один грех на душу. После чего произошло невероятное: немцы покинули лагерь без единого вы-

с сыном Сергеем, то переехал на Урал, и они стали его семьёй. В Челябинске он продолжал спасать жизни как оперирующий хирург, заведующий хирургическим отделением городской больницы № 8, а также делился знаниями со студентами медицинститута.

После очерка, в котором А. Егорова рассказала о докторе Синякове, в Челябинск полетели письма со всех концов страны и из Европы. Бывшие заключённые, которых он спас, благодарили и звали в гости. Родственники и друзья Георгия Фёдоровича знали, что этот добрый и скромный человек – гениальный врач, но о его подвигах до этого не догадывались.

Встречи боевых товарищей в 1960–1970-х годах проходили в Москве, Ленинграде, Челябинске, на Украине. На челябинском телевидении о Синякове сняли фильм, интервью с ним провела прилетевшая из Москвы Наталья Кончаловская. Но звание Героя Советского Союза ему так и не присвоили, несмотря ни на какие ходатайства: плен считался несмываемым пятном в биографии.

Сам Георгий Фёдорович говорил так: «Плен – это беда, несчастье. А разве за несчастье награждают? Моя награда – жизнь, возвращение домой, к семье, к работе, это письма от людей, которым я помог в час тяжкого горя».

– Дедушка умер в 1978 г. Первый инфаркт у него случился, когда не стало его младшей сестры. У него было два брата, один из которых, лётчик, погиб в бою, и две или три сестры. После инфаркта он уже не ездил на последние встречи с товарищами, но переписывался с ними до конца, – вспоминает Ольга Селянина.

В Музее истории медицины Челябинска есть экспозиция, посвящённая доктору Георгию Синякову, а на здании больницы № 8, где он работал, открыли мемориальную доску.

О. Селянина врачом не стала из-за нелюбви к латыни. Она выбрала профессию инженера-строителя. В Челябинске живут также правнучка и два праправнука доктора.

«У меня был лучший в мире дедушка, и он никогда не рассказывал мне о войне и плене. Говорил только: это самое страшное, что только может быть, но надо всегда оставаться человеком. О его подвигах я узнавала на встречах с боевыми товарищами, куда он брал меня с собой, а позже – из переписки, интервью и воспоминаний тех, кого он спас», – говорит Ольга.

Подготовила
Алёна ЖУКОВА,
корр. «МГ».

Челябинск.



Встреча бывших узников

правили похоронку и подготовили наградной лист о присвоении ей звания Героя Советского Союза посмертно. Анну, у которой были обожжены лицо и пальцы, повреждён позвоночник, вывихнута рука, бросили в одиночную камеру с цементным полом. Георгий Фёдорович и профессор Белградского университета Павле Трпицац добились у немцев разрешения лечить заключённую. Шли дни, а её ужасные раны никак не заживали.

карьере. За невыполнение нормы в 35 вагонеток следовала порка розгами. В сущности, это была форма казни. Доктор добился перевода Ильи обратно в лагерь и поместил его в отдельный бокс для больных туберкулёзом, куда немцы старались не заходить. В марте 1945 г. Эренбургу организовали побег.

«Я видела Илью Зельмановича в 1970-х годах, когда мы с дедушкой приезжали в Москву и заходили к